



Давным-давно, когда город Киото ещё был столицей Японии, жила в Киото лягушка.

Жила она не где-нибудь, а при храме, в маленьком полувысохшем колодце во дворце.

Хорошо ей там было: дно мягкое, липкое, сырое.

Но вот наступило жаркое лето. Такое жаркое, что всё кругом повисохло — лужи, канавы, ручьи. И старый колодец, конечно, тоже совсем пересох. Дно потрескалось, стало сухое и твёрдое. Даже не верилось, что в колодце сидишь.

«Придётся переезжать! — подумала бедная лягушка. — Но куда же? Поблизости всё кругом высохло. Пойду-ка я в город Осака. Осака, говорят, у моря, а я моря никогда не видела. Хоть погляжу, какое оно!»

Выбралась лягушка из колодца и тихонько поскакала по дороге в город Осака.

А в городе Осака жила другая лягушка. В большом круглом пруду ей жилось привольно. Она зарывалась с головой в мягкий ил или плавала в мутной воде среди качающихся водорослей, а в солнечный день грелась на тёплом гладком камне.

Но и в Осака тоже стало очень жарко. Там тоже высохли и канавы, и ручьи, и пруды. Высох и тот круглый пруд, в котором жила лягушка. Дно совсем обмелело. Всю жизнь жила лягушка в пруду и вдруг очутилась на суше — ни воды, ни ила, одна сухая пыль.

«В Осака засуха! — подумала лягушка. — Надо куда-нибудь перебираться. Пойду-ка я в город Киото. Киото, говорят, столица Японии. Заодно посмотрю на столичные дворцы и храмы».

Подумала так лягушка и поскакала не спеша по дороге в Киото.

И случилось так, что обе лягушки отправились в путь в один и тот же день и даже в один и тот же час — рано утром. Одна поскакала из Киото в Осака. Другая из Осака в Киото. Скакали лягушки не торопясь: скок — и посидят, скок — и посидят. И так как вышли они в путь в одно и то же время и каждая из них скакала не быстрее и не медленнее другой, то, значит, и встретиться они должны были как раз посередине дороги.

А как раз посередине дороги между Осака и Киото стоит гора Тэнодзан. Вот лягушки прискакали к этой горе, отдохнули немного и стали потихоньку взбираться вверх по склону. Взбирались они, конечно, очень медленно, потому что не привыкли скакать по горам. Пыхтя и надуваясь, лезли они всё выше и выше. Друг друга они ещё не видели, потому что между ними была гора. Наконец лягушки добрались до самой вершины. Тут-то они столкнулись головами.

— Вот так так! — сказала киотоская лягушка.

— Вот так так! — сказала осакская лягушка.

— Я лягушка из Киото и скачу в Осака. А вы? — спросила киотоская лягушка.

— Я лягушка из Осака и скачу в Киото. У нас в Осака такая засуха!

— В Осака засуха? В Осака засуха? — всполошилась киотоская лягушка. — Как и в Киото? Как и в Киото?

— А разве в Киото тоже жарко?

— Как же, как же! У нас в Киото не то что лужи, а даже и колодцы пересохли.

— Значит, незачем нам и скакать дальше, — печально сказала осакская лягушка. — Если у вас засуха и у нас засуха, так уж лучше погибать у себя дома.

Лягушки замолчали и задумались. Обидно возвращаться с полдороги!

Думали они, думали и решили друг друга проверить. Мало ли что тебе наговорят прохожие!

— Я вот что думаю, — сказала киотоская лягушка. — Уж если я взобралась на эту гору, так хоть погляжу отсюда на город Осака. Ведь с горы, должно быть, можно увидеть и море.

— Вот это хорошо придумано! — сказала осакская лягушка. — Посмотрю-ка и я с вершины горы. Ведь отсюда, пожалуй, можно увидеть и дворцы и храмы города Киото.

Обе лягушки поднялись на задние лапки, вытянулись во весь свой лягушечий рост, выкатили свои лягушечьи глаза и стали глядеть вдаль.

Смотрели, смотрели, и вдруг киотоская лягушка шлёпнулась на землю и сердито сказала:

— Да что же это такое? Ничего нового, ничего интересного! Точь-в-точь наш Киото! Все говорят: море, море! А никакого моря я в Осака не вижу.

И осакская лягушка тоже рассердилась:

— Что же это такое! Какая же это столица! Точь-в-точь наш Осака. Я-то думала увидеть столичные дворцы и храмы. А на самом деле ничего там нет интересного, всё как у нас.

— Ну, если так, надо возвращаться в Киото! — сказала киотоская лягушка. — Будем ждать дождя дома.

— Ну, если так, надо возвращаться в Осака! — сказала осакская лягушка. — Если пойдёт дождь, и дома мокро будет.

Лягушки простились, повернули каждая в свою сторону и зашлёпали вниз по горе. И как только

скакнули разок-другой, так и потеряли друг друга из виду, потому что между ними снова поднялась острая вершина горы.

Тем всё и кончилось: киотоская лягушка вернулась в Киото, а осакская лягушка — в Осака. И до конца своей жизни думали они, что город Киото как две капли воды похож на город Осака, а город Осака — на город Киото.

Но только это неверно. Совсем не похожи эти города.

Так в чём же дело?

А в том, что киотоская лягушка видела вовсе не Осака, а свой родной Киото, а осакская лягушка видела вовсе не Киото, а Осака.

Ведь у лягушек глаза на макушке. И поэтому когда они стали на задние лапки и задрали головы кверху, то глаза у них оказались сзади.

Вот они и смотрели не вперёд, а назад: каждая лягушка смотрела туда, откуда пришла.

Только сами они об этом не знали.

И вот осакская лягушка вернулась в Осака, в свой пруд, и грустно сказала своим лягушатам: — Что Осака, что Киото — всё одно болото! И лягушата горько заплакали. Оттого и говорят: “Дети лягушки — те же лягушки”.

А киотоская лягушка вернулась в Киото, на старое место, забралась опять в свой колодец и сказала соседкам-лягушкам:

— Никакого моря на свете нет!

Оттого и говорят: «Колодезная лягушка моря не знает».